

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

Саша Чёрный
СКАЗКИ
И РАССКАЗЫ

Иллюстрации А. Доврочасовой

Саша Чёрный
Сказки и рассказы
Серия «Малая книга с историей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42843928

*Сказки и рассказы / Саша Чёрный; илл. А. Доброчасовой; Издательский
Дом Мецзякова; Москва; 2019
ISBN 978-5-00108-513-3*

Аннотация

Саша Чёрный (1880–1932) – поэт Серебряного века, прозаик, журналист, получивший широкую известность благодаря своим лирико-сатирическим стихотворным фельетонам.

Детская тема занимает особое место в его творчестве. Его произведения отличает невероятно трогательное отношение к ребёнку, которое позволяет вести с ним одновременно серьёзный и в то же время задушевный разговор.

Содержание

Красный камешек	5
Нолли и Пшик	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

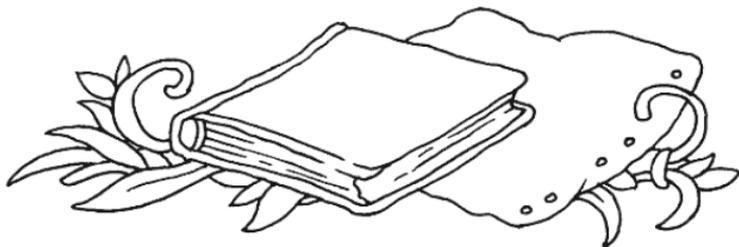
Саша Чёрный

Сказки и рассказы

© А. Доброчасова, иллюстрации, 2019

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

Красный камешек

Дача стояла у леса. Жоржик скоро-скоро позавтракал и побежал к грядкам. Вчера он с дворником посадил горох – надо было посмотреть, не вылез ли он уже. Но на грядках ещё ничего не было. Жоржик поковырял палочкой землю, вынул одну горошину и опять зарыл её.

Потом он подошёл к забору и стал смотреть в лес: за кустами качались ёлки, в канавке блестела вода, под можжевельником важно гуляли две вороны и о чём-то разговаривали.

«Пойду в лес, – подумал Жоржик. – Только немножко, вон до той берёзки...»

Подумал и пошёл. В старом заборе одна доска совсем отвалилась, пролезть сквозь дырку было нетрудно: сначала одну ногу, потом голову, потом другую ногу, – вот и в лесу!

По дороге к берёзке Жоржик два раза обернулся: «Вон она, наша дача... Красная крыша, огро-омная, и голубь на крыше сидит...» Дырку в заборе тоже было видно.

Дошёл мальчик до берёзки и сел отдохнуть. «Минуточку посижу и – домой. Здравствуй, букашка! Зачем по моей коленке ползёшь?»

Он снял букашку, посадил её на мох и сказал:

– Сиди тут, а то заблудишься!

Посмотрел Жоржик кругом: ёлочки скрипят («Верно, у них в середине такие пищалки, как у моего зайца», – подумал он), мураши с дровами один за другим куда-то бегут, как живая чёрная ниточка; папоротники кланяются; вверху тучки, – одна на Жоржина дворника похожа: с белой бородой и трубка во рту. Светло и совсем не страшно...

– Ах, какая беда! – запищал вдруг кто-то в лесу.

Жоржик испугался и вскочил:

– Какая беда? Кто меня пугает?

– Эй! Помоги-ка мне, милый! – опять сказал кто-то за кустами.

Жоржик хотел было заплакать и пуститься во весь дух домой, но потом ему стало стыдно. Голосок был тоненький и жалобный, как у Амишки, когда ей хвост прищемят. Чего же пугаться? Он ведь большой... Может быть, это девочка с соседней дачи заблудилась, – надо взять её за руку и привести домой.

– Кто там хнычет? – храбро спросил Жоржик.

– Это я, ста-ру-шка... Поди-ка, мальчик, сюда!

– Да где же вы? – спросил Жоржик и посмотрел кругом.

Старушки нигде видно не было.

– Здесь, за канавкой! Вот так, левее!

Жоржик подошёл к канавке и перебрался по сломанной ёлке на другую сторону. На кочке лежала маленькая старушка в синей кацавейке. Ноги её попали в болото, и она никак не могла вытащить: дёргается, дёргается, а ноги всё глубже в болото уходят. Совсем как муха на блюдечке с вареньем.

Жоржику стало смешно, но он удержался: рассердится ещё старушка, – может, она волшебница какая-нибудь?

– Бабушка, – сказал он, – давай руку, я тебя вытащу!

– Где тебе! Руки-то коротеньки, да и силы у тебя, чай, как у таракана. Гляди-ка! Вон там под берёзой моя котомка. Достань-ка из неё верёвку... Один конец привяжи к берёзе, а другой брось мне. Так, молодец... Ну-ка, у-ух!

Старушка крякнула, ухватилась за верёвку, захрипела, покраснела и вытащила ноги из болота. Обчистилась на кочке, отряхнулась и говорит Жоржику:

– Спасибо, огурчик! Эх, ножки-то какие у тебя кругленькие! Что ж тебе подарить за то, что ты меня вытащил?

Жоржик задумался.

– Верблюда подари. Ма-аленького!

– Хе-хе! Верблюда... Чудак-мальчик... Где я тебе верблюда возьму? Да и тесно ему, чай, у тебя будет, – все грядки перетопчет... Постой-ка! – сказала старуха. Она приложила руку к уху и посмотрела вверх.

– Куда ты, бабушка, смотришь? – спросил Жоржик.

– Вороны кричат, чтобы я уходила отсюда. Они тут под

берёзой косточку зарыли, а мы им мешаем достать её... Ладно, сейчас уйдём!

– Вот тебе на! – закричал Жоржик. – Как же ты знаешь, что это они про косточку?

– Знаю, хэ-хэ... Видишь, дружок? – Старушка вынула из уха маленький красный камешек и показала Жоржику. – Штучка небольшая, а в ней всё дело. Вставил в ухо – и всё тебе понятно: как вороны разговаривают, как коровы, как разные букашки...

– Правда?! И как слон говорит, тоже понятно?

– Всё равно, хоть слон... Только здесь слонов не водятся...

– Бабушка! – сказал Жоржик и схватил старушку за капавейку. – Ты спрашивала, что мне подарить за то, что я тебя вытащил. Подари мне этот камешек. Ну, пожалуйста.

Вороны кричат, чтобы я уходила отсюда. Они тут под берёзой косточку зарыли, а мы им мешаем достать её...

Старушка надела на плечи котомку, погладила Жоржика по руке и засмеялась:

– Ишь ты, какой проситель! Выбрал! А я с чем останусь? Я тут в лесу, милый, без этого камушка, как лягушка без воды... Нет, ты что-нибудь другое попроси...

– Бабушка, бриллиантовая! Мне хоть на один день! Только поносить...

– Не потеряешь?

– Ни за что на свете!

– И никому не покажешь?

– Никому! – запищал Жоржик. – Ах, как интересно! У нас есть Амишка и козёл-стрекозёл, огро-омный, больше тебя, и всё под нос бормочет, петух есть и тараканы есть...

– Погоди, погоди... – сказала старуха. – Заторопился! Ладно. До вечера дам, поноси.

Она сполоснула камешек в канавке, вытерла его белой тряпочкой и дала Жоржику.

– Маме тоже нельзя показывать? – спросил он.

– Маме можно... Только не говори, откуда достал. Секрет. А вечером, как ляжешь спать, положи камешек под подушку. Я приду и возьму.

– Как ты придёшь? Амишка возле моей кровати на полу спит, – увидит тебя и цапнет...

– Не цапнет! Я сама кого хочешь цапну... Ну, мальчик, прощай, – сказала старушка. – Погоди, погоди, стань-ка сюда.

Она поставила Жоржика лицом к берёзе.

– Постой так с минуточку и не оборачивайся.

– Уж можно? – спросил Жоржик, когда старуха отняла руки.

– Нет ещё.

– А теперь?

– Теперь можно! – закричала тоненьким голоском старушка из-за кустов.

Жоржик обернулся. Старушка пропала. На ладошке лежал красный камешек, маленький-маленький, как божья коровка. Жоржик быстро всунул его в ухо, подпрыгнул и бегом пустился домой.

Под кустом можжевельника всё ещё разгуливали две вороны. Жоржик остановился:

– А ну-ка, а ну-ка!

Ворона боком посмотрела на мальчика, отвернулась и сказала:

– Кра – удивительно! Опять этот мальчик. Кра – такой маленький и один в лесу гуляет.

Другая ворона подумала и ответила:

– Кра – странно.

Жоржик расхохотался, шаркнул ножкой и крикнул:

– Кра – сударыни! Кра – извините! Кра – не ваше дело!

Через полминуты он был уже в своём саду.

В саду было пусто. Только на дорожке копался большой коричневый жук. Жук отдыхал после обеда, грел на солнце спинку и не слышал, как подошёл Жоржик.

– Цап! Попался... – сказал Жоржик, схватил жука за грудку и приложил его к уху.

– Ж-ж-ж, ужасно жмёт... – зажужжал жук. – Лапками загребая, животиком выгибаю, сейчас вылезу... Ж-ж-ах!

– Ой, как щекочет! – рассмеялся Жоржик и подбросил жука кверху.

Жук полетел и запел:

– Жин-жон-жон, Жоржик на дорожке, а я вон где!

– Даша! – закричал Жоржик. – Иди скорей сюда!

Даша шла с ведром к колодцу и остановилась:

– Зачем?

– Я тебе покажу что-то! Да скорей же!

Вдруг Жоржик вспомнил, что он обещал старушке никому не показывать красного камешка:

– Нет, Даша, не надо, не надо. Я нарочно! – крикнул он и побежал к балкону.

На балконной ступеньке лежала толстая собака Амишка. Жоржик сел на свою деревянную лошадь у балкона и стал ждать.

Амишке было жарко: глаза закрыла, пасть разинула, язык высунула. Длинный такой язык, хоть красным бантом завязывай, а бока так и ходят, как паровоз: «Таф-таф»...

Пришла кошка. Села на Жоржины качели, облизнулась, посмотрела на Амишку и мяукнула:

– Мур... У Амишки одышка, а у меня нет...

Амишка приоткрыла один глаз, посмотрела на кошку и захрипела:

– Р-р-р... Рваная шуба!

– А ты беззубый, – сказала кошка и запела:

– Мяу-мур, муха-муха, укуси Амишку в ухо!..

Амишка открыла второй глаз и встала на передние лапы:

– Р-раз! Подразни ещё, я тебе нос откушу! Кошатица!

– А ты собачатица! И подразнюсь: собаки ходят в намордниках, а кошки нет! Амишка-кубышка, голова как шишка! Хвост как палка, в животе мочалка! Не достанешь, не достанешь... – Кошка соскочила с качели и полезла на столб.

Амишка улеглась.

– И не надо! Это у тебя в животе мочалка, оттого ты и дразнишься. Я сегодня утром суп с лапшой ела. Ага! И куриные косточки ела. А за обедом блинчики буду есть и котлетную подливку... А тебе мою вчерашнюю овсянку дадут...

– Ма-ма! – жалобно мяукнула кошка на столбе и выгнула горбом спинку. – За что мне овсянку?

– За то, что дразнишься, – сказала Амишка и опять закрыла глаза.

Кошка подождала, пока Амишка не захрипела, слезла со столба и подошла к Жоржику.

– Мняю! Жоржик-коржик, дай молочка.

– Не дам, зачем дразнишься?

– Я тебе сказку скажу.

– Интересную?

– Мур... Жили-были две мышки, серые пальтишки. Жил ещё кот, бархатный живот. Пошёл кот к чулану полизать сметану, ан чулан на задвижке. А в чулане мышки... Сидит кот перед дверцей, колотится сердце, – войти нельзя! Вот и запел кот, бархатный живот, тоненьким голосишкой вроде мышки: «Эй, вы, слышь! Я тоже мышь, – больно хочется есть, да под дверь не пролезть... У вас там много в стакане, вымажьте лапки в сметане да высуньте под дверку. Скорей, глухие те-терьки. Я полижу – спасибо скажу...» Одна мышка и поверила: высунула лапку. А кот – цап! – со всех лап... Вытащил за лапку, сгрёб в охапку и гам! Так всю со сметаной и съел. Вкусно! Хорошая сказка?

– Сказка хорошая, а кот злой! Зачем обманывает? – сказал Жоржик.

– Мурлау! Я не виновата. Жоржик-коржик, дай же молочка...

Жоржик побежал к Даше, попросил у неё молока, налил в крышку от ваксы и принёс кошке.

– На! Скорей пей, мне некогда.

– Молоко! Ляп-ляп-ляп-ляп-ляп. Всё. До капли... Урлы-урлы-урлы... – запела кошка и стала тереться о Жоржины коленки, то одним боком, то другим.

«Ишь ты, какая ласковая стала!» – подумал Жоржик.

– Ну, отстань, я к козлу пойду.

Козёл стоял в тёмном сарае, блеснул глазами, скрипел зубами и сердито топал ногой. Когда Жоржик открыл дверь, козёл замотал бородой и фыркнул:

– Фу... Жду-жду! Никто не идёт... Привязали за рога... Фу! Темно, мухи кусают... И я так, я и этак, ногами прыг, хвостом дрыг, а они всё кусают... Запутался. Фу! Даже почесаться не могу.

Жоржик осторожно подошёл ближе.

– Я распутаю! Ты меня не цапнешь? Нет?

– Мэ-кэ-кэ! – попросил козёл. – Распутай! Не цапну!

Жоржик распутал верёвку, погладил козла и спросил:

– Скажите, козёл, отчего вы такой грязный?

– Мэк! Грязный! Какие глупости! Старому козлу говорить такие вещи... Мэк! Грязный! Я тебе покажу грязный...

– Я не нарочно, я не нарочно! – закричал Жоржик, быстро выскочил из сарая и закрыл дверь на крючок.

– Эй, козёл-стрекозёл! – крикнул Жоржик в щёлочку. – Дворницкая шуба! Вот скажу Даше, она тебя миндальным мылом вымоет... Будешь знать!

Козёл рассердился. Разбежался, да как тарарахнет в дверь – бац! А Жоржику смешно: крючок крепкий, не соскочит.

– Кхи-кхи! – запищала вдруг крыса за дверью. – Зачем же мылом козла мыть? Мыло – закуска. Я вчера у Дашиного мыла всю корочку объела...

– Ага! Хорошо! – шепнул Жоржик. – Я скажу Даше, она

вам всем задаст...

Он пошёл на кухню, но Даши на кухне не было. «Пойду в спальню, – подумал Жоржик. – Там мухи».

В спальне было тихо. На кровати Жоржика лежала его маленькая сестричка Вава, быстро перебирала ручками и ножками и что-то скоро-скоро говорила. Жоржик нагнулся к Ваве и стал слушать.

– Мня-вля-гля, пля-мня-для, мня-гля-кля...

– Ничего не поймёшь... – вздохнул Жоржик и подошёл к окошку. – Мухи, верно, тоже так мнякают. О чём им говорить? Жужжат себе и толкаются головой в стекло.

Но мухи разговаривали:

– Зы-зы-зы... Здесь нельзя и здесь нельзя... Заперли-заперли-заперли...

– Что ты здесь делаешь, Жоржик? – спросила мама Жоржика, заглядывая в спальню.

– Я, мамочка, слушаю, как мухи разговаривают.

– Как же они разговаривают?

– А вот иди сюда. Закрой глаза и дай ушко...

– Зачем? – засмеялась мама. – Ты мне туда ещё козявку положишь?

– Да нет! – сказал Жоржик. – Не козявку. Нельзя сказать, секрет. Готово! Слышишь, что мухи говорят?

– Слышу.

– Что же они говорят?

– Говорят, что Жоржику пора обедать.

– Обедать? – спросил Жоржик. – Ну, хорошо – пойдём.

– Только их надо выпустить... Пошли! – сказал он и раскрыл окно. – Теперь давай опять ушко, – сказал он маме. – Готово!

За столом Жоржик смеялся и болтал ногами. Никто не знал почему, а он знал: кошка всё время тёрлась под столом о его ножки и мурлыкала:

– Мур! Жоржик, брось Амишке кочерыжку, а мне косточку...

А Амишка на неё из-под стола:

– Р-р-р... Тебе кочерыжку! Ж-жадина!

После обеда Жоржик побежал в сад посмотреть, где его петух. Петуха нигде не было: ни в саду, ни возле кухни, ни под сараем, ни в чуланчике. «Куда он спрятался?» – подумал Жоржик.

Обошёл Жоржик сад и слышит, что за забором кто-то быстро-быстро кудахчет:

– Куда-куда-куда! Чужой петух!!

Жоржик встал на скамейку и посмотрел: соседский рыжий петух задрал голову и бежал прямо к мусорной куче, а три Дашины курицы бегали кругом кучи, хлопали крыльями и кричали:

– Ах, куда, куда! Красный разбойник! Ах, куда, куда!

– Да где же наш петух? – спросил Жоржик. – Вот беда, вот беда!

– Кара-у-ул! – закричал вдруг из-за сарая белый Жоржин

петух и, широко расставляя лапы, бросился к рыжему.

– Как ты смел! Как ты смел! – наскочил он и схватил рыжего за чуб.

Рыжий вырвался, подскочил и ударил белого лапой в грудь:

– Так и смел! Так и смел!

– Как ты смел! Как ты смел! – опять налетел белый.

– Так его, так его, так его! – закудахтали в восторге курицы, а петухи взлетели на воздух, перевернулись через голову и кубарем полетели на землю.

Жоржику стало страшно.

– Кыш! Перестаньте... Кыш!.. Вот я вас! – Он бросил в петухов палочку и ударил в ладошки.

Рыжий петух вскочил, встряхнулся, побежал домой и сердито обернулся на Жоржика:

– Тоже... Ко-ко-ко... Не даст подраться...

А белый петух взобрался на самый верх кучи, захлопал крыльями и закричал ему вдогонку:

– Кум удра-ал!

– Конечно, конечно, – сказала самая толстая курица.

Жоржик вывернул кармашек, бросил своему петуху крошки, которые завалились в кармашке, потом соскочил со скамейки, запрыгал на одной ноге к беседке и весело запел: «Рыжий с белым разодрался, белый рыженького вздул!»

В беседке Жоржик лёг на стол и стал смотреть, как качаются веточки. Прилетали пчёлы, танцевали над головой и

пели: «Зум-зум, где цветочки?»

Прилетал знакомый коричневый жук и жужжал: «Жоржик лежит, Жоржик лежит...»

Зелёный червячок пополз по руке, а когда дополз по плечу до уха, Жоржик услышал, как червячок чуть слышно зашипел: «Сейчас шлёпнусь...» Испугался, верно, что так высоко залез.

Когда Жоржик вышел из беседки, солнце висело над самыми ёлками и было похоже на тот таз, в котором Даша варенье варит. Только чуточку покрасней. Глазки у Жоржика были совсем-совсем сонные. С пруда кричали лягушки: «Краковяк-краковяк-краковяк...»

«Что это за краковяк? – подумал Жоржик и вдруг вспомнил: – Это танец такой... Как же лягушки на четырёх лапках танцуют? Верно, становятся на задние лапки, как Амишка...»

У балкона его встретила мама.

– Ты где был?

– В беседке.

– Что ты там делал?

– Слушал, как пчёлки разговаривают.

Мама улыбнулась и принесла Жоржику молока. Молоко было вкусное и пахло, как горячая ватрушка. Опять прибежала кошка, заходила у ног и запела:

– Жоржик-коржик, дай – мяу – молочка!

– Не дам за то, что дразнишься, – сказал Жоржик и пошёл

спать.

Мама его раздела и ушла. Жоржик долго не хотел закрывать глаза. Он всё хотел дожидаться старушки в синей кацавейке и хорошенько попросить её... Пусть бы оставила красный камешек ещё хоть на день. Камешек положил под подушку.

Но в комнате было тепло и тихо, а сверчок где-то близко у кровати проснулся и запел: «Цир – закрой глазки, цир – закрой глазки, цир – закрой глазки».

Жоржик закрыл.

Утром, только проснулся, сейчас же руку под подушку – камешка нет. А вместо камешка лежит книжка: звери в ней разные, птицы, букашки и разные жучки. Всё есть. И про всех написано, как кто живёт, что ест, как кто поёт, как жужжит, как мяучит. Всех спрашивал Жоржик – и маму, и Дашу, и даже Амишку, да никто не знал, кто книжку принёс.

Должно быть, старушка – кому же больше?

⟨1912⟩

Нолли и Пшик

Кукла Нолли и паяц Пшик сидят на подоконнике и скучают. Девочка Катя, у которой они жили, обещала взять их сегодня гулять и не взяла – ушла с няней. Почему не взяла? Рассердилась. Схватила вчера Пшика за голову и окунула его в свою ванночку. Няня закричала, Катя заплакала, а Пшик со страху всю краску из себя выпустил и тонуть стал. Из ванночки такой кисель вышел, что няня должна была другую наливать. Разве он виноват? Паяц не рыба. Потом Катя выкупалась, стала одеваться и села нечаянно на Нолли. Пружинка в Ноллином животе сказала: «Пик!» – и испортилась. Как Катя ни извинялась, как ни умоляла, как ни целовала Нолли: «Скажи: ма-ма, скажи хоть один последний раз, только скажи – ма!» – Нолли ни звука. Как без пружинки скажешь?

Вот за это Катя и не взяла их с собой гулять.

* * *

Сидят Нолли с Пшиком на подоконнике, молчат и не двигаются, потому что кошка Мурка всё по комнате вертится. Заговори только при ней – всему дому станет известно. За окнами пушинки летают, солнышко светит, девочки с куклами в сад идут. Ужас, как гулять хочется! Наконец кошка Мурка ушла – слава тебе Господи! Нолли вздохнула, а Пшик хлопнул себя по лбу, прошёлся на руках по подоконнику и сказал:

– Нолли! Я что-то придумал!

– Воображаю!

– Придумал, придумал! Катин папа сейчас пойдёт на службу.

– Ну, так что?

– Мы побежим по коридору в переднюю...

– А потом?

– Влезем на стул!..

– А потом?

– Со стула, со стула, со стула – в карман Катиного папы пальто. Понимаешь?

– И пойдём гулять?! Пшик, ты золото, дай я тебя поцелую!

– После, после! – закричал Пшик. – Надо спешить, а то он уйдёт. «Раз-два-три!»

Пшик схватил Нолли на руки, раскачался, крикнул «алле-гоп!» и прыгнул через кроватку на пол.

– Пшик, – спросила Нолли, – а вдруг Катин папа положит руку в карман?

– Не положит! В одной руке у него палка, в другой портфельская кожа, а в третьей...

– Третьей нет, Пшик, не болтай глупостей... Тш... В коридоре никого нет. Бежим!

Пшик и Нолли побежали на цыпочках по коридору так тихо, как мухи бегают по потолку. У дверей перелезли через сонную Мурку и мигом очутились на вешалке.

– В какой карман лезть, в правый или в левый? – спросила Нолли.

– Полезай в левый, правый – дырявый!

Не успели они ещё хорошенько усесться, как в передней раздалось: «рип-рип-рип!» Катин папа подошёл к вешалке, снял пальто, встряхнул его так, что пассажиры в кармане стукнулись лбами, надел и вышел на улицу.

* * *

На улице Катин папа крикнул, как пушка: «Извозчик!» Пшик выглянул из кармана:

– Нолли! Мы поедem на извозчике! Подъезжает, подъезжает... Серая лошадь, совсем как Катина, только без подставки.

– Цыц! – сказала Нолли и потащила Пшика за ногу в карман. – Цыц, мурзилка, а то он услышит!

Загремели колёса. Катин папа сказал: «Сорок». Потом испугался и поправился: «Тридцать пять». Поехали.

– Подвинься, чучелка, – запищала Нолли, – я тоже хочу выглядывать!

Пшик подвинулся и пробормотал: «Ой, сколько домов! Огро-о-мные! Белый дом, серый дом, жёлтый дом, коричневый дом, деревянный дом!»

– Смотри, смотри, Пшикочка! – завизжала Нолли. – Вагон без лошади! Красненький! Ай-яй, смотри, сзади тоже никто не толкает! Бу-у-у-у! Что это, это, это, Пшик?

– Это трамвай.

– Как же он бежит?

– Кондуктор толкает его с одного конца города, и он бежит до другого. Ловко, а?

– Пшик! – сказала Нолли, глотая последнюю шоколадную крошку, которую она нашла в кармане. – Пшик, довольно уже ехать. Давай спрыгнем...

– Давай! – Пшик осмотрелся кругом, схватил Нолли в охапку, вылез из кармана и, как блоха, прыгнул прямо на фонарь. Под фонарём в это время проходила дама и вела на шнурочке маленькую собачку, похожую на мохнатого червячка. Собачка остановилась, потянула носом, упёрлась передними лапками в землю, а задними стала загребать: левой-правой, левой-правой! Да вдруг как залает на фонарь:

– Тяф-тяф-тяф! О, зачем я на верёвочке! Тяф-тяф-тяф! Я бы перегрызла фонарный столб! Р-рр-тяф-тяф-тяф! Эти фонарные обезьяны полетели бы вниз, а я их в клочки, я их на клочки, я их вдребезги!!! Пусти! – завизжала она, но дама потащила собачку дальше, и она поехала на четырёх лапках, как на коньках.

Нолли и Пшик хохотали как сумасшедшие:

– Собачья морда! Ага, привязали, привязали! Ну-ка, до-стань! Тяп-тяп-тяп! Подумаешь, как страшно... Сама обезьяна, сама собака, сама злока-гадюка несчастная!

– Пшик, – сказала Нолли, – давай слезем и дёрнем её за хвост!

– Она тебя дёрнет! Она тебе так дёрнет, что все тряпки из живота вылезут!

– Фуй, Пшик, какие ты гадости говоришь...

Помолчали минуточку. Пшик стал считать окна, а Нолли задумалась. Дождик стал накрапывать. Внизу люди зонтики раскрыли. Страшно.

– Пшик, Пшик, Пшик! – захныкала Нолли. – Поедем куда-нибудь?

– Куда?

– Ты мальчик, ты и выдумывай. Хорошее гулянье – сидеть на фонаре? Разве мы птичкины дети? Придёт фонарщик зажигать освещение, увидит нас, – что он с нами сде-ла-е-ет!

– Стой! Не хнычь, я уже придумал! Ты умеешь читать?

– Нет!

– Ну ещё бы! – Пшик фыркнул и почесал ногой за ухом. – Эх ты, пустая фарфоровая голова с локонами!

– А у вас что в голове?

– Не твоё дело. Видишь вывеску напротив – под вывеской окно: тряпки красные, тряпки зелёные, тряпки серо-бу-ро-шоколадные...

– Вижу!

– Ну вот. Читай за мной: кра-силь-но-е за-ве-де-ни-е. По-няла?

– Нет.

– Мы слезем с фонаря – перебежим через улицу и... в форточку! Вот она открыта. Ейн-цвай-драй! Понимаешь?

– Пшик! – закричала Нолли. – Пшик, ты хочешь покраситься?

– Да, Нолли, я хочу покраситься. Я буду опять красный, как... красная краска! Вот! Чтобы ещё все паяцы на свете покраснели от зависти! Вот!

– Идём! – сказала Нолли.

* * *

Они слезли, перебежали через улицу и полезли в форточку. Никто не заметил. Только голодный воробей слетел с вывески, когда Пшик уже перекинул вторую ногу через форточку, и дал ему подзатыльник, – но ведь это почти не больно.

Пшик и Нолли спустились по занавеске на подоконник и заглянули в комнату.

– Цыц! Никого нет. Может быть, в зелёную покраситься?

– В красную! – сказала Нолли и задрожала от радости.

– Половину в красную, половину в жёлтую, как было раньше.

– Пшик, я тоже хочу краситься.

– Тебе нельзя, ты кукла.

– Так что же, что кукла? Я на этом противном фонаре всё платье измазала. Было белое, а теперь как Катинины подмётки.

– Цыц, не хнычь! Согласен. Только прежде я. Стой тут, и если кто-нибудь войдёт, скажи – «ма-ма».

После этого Пшик крикнул «алле-гоп», прыгнул на стол, лёг на бок и опустил в банку с красной краской правый бок, руку и ногу.

Краска была тёпленькая, и Пшик от удовольствия закрыл глазки.

– Пшик, – запищала Нолли, – Пшикочка, отчего так долго?

– Сейчас! – закричал Пшик и схватился рукой за банку, но поскользнулся, упал в краску и вылез оттуда красный, как сырая говядина. Красные волосы, красные глаза, красные уши... Красавец! А краска на стол с него так и бежит: целое озеро.

Нолли сначала испугалась, да как захохочет! В комнате над входной дверью зазвенел колокольчик. Один большой человек вошёл, другой крикнул: «Сейчас!» – и прибежал в комнату. Прямо несчастье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.